

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕГИОН» В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.В. Головнёва,
Уральский федеральный
университет им. Б.Н. Ельцина

Проблематизируется статус концепта «регион» в современных научных исследованиях в связи с появлением новых методологических подходов к пониманию пространственных феноменов и относительности регионообразующих факторов. Предлагается рассматривать регион не только как географическое пространство, а в первую очередь как социокультурное образование, представляющее собой систему отношений и дискурсов.

Ключевые слова: регион, пространство, граница, региональная идентичность.

Наиболее общая объективистская/эссенциалистская дефиниция региона специфицирует его как территориальное образование, соотносимое с другими, но обладающее своей особостью. В таком контексте регионы рассматриваются как «индивидуальности», имеющие свои отличительные особенности, по аналогии с индивидуальностью человека [16]. Эта точка зрения соответствует «Хартии регионализма», принятой Европейским парламентом в 1988 г., в которой гомогенность региона устанавливалась на основе таких критериев, как физико-географическая общность, культурная общность населения, общее прошлое, общность хозяйственных структур (хозяйственного профиля). В большинстве своем эссенциалистские трактовки региона акцентируют внимание также на то, что регион складывается естественным образом и зависит от объективных факторов.

Анри Пааси говорит о привычности восприятия в научной литературе регионов как эмпирических феноменов, отличающихся друг от друга культурными чертами (диалектом, музыкой, пищей, литературой, фольклором и т.п.) [15]. Изоморфизм территориального сообщества, очерченного географическими маркерами, и культуры воспринимается в этом случае как изначально данный и не оспариваемый.

Обновление методологического оснащения гуманитарных наук, затрагивающих вопросы существования и функционирования регионов, привело к тому, что начиная с 1990-х гг. «объективность» регионообразующих факторов стала ставиться под сомнение. Оказалось, что эмпирически выделяемые критерии региона, постулируемые в качестве «исторически необходимых», могут быть привходящими, не сущностными для данного феномена. Так, по мнению

А. Гупты и Д. Фергюсона, тезис о тождественности регионального сообщества и культуры порождает некоторые вопросы. Например, как быть с «культурой» фермеров, которые полгода проводят в Мексике, а полгода в США, или когда эмигранты из Индии переносят свою культуру на новую родину в Англию? В ситуации постколониализма отношения между пространством и культурой становятся гораздо более сложными [12]. А. Гупта и Д. Фергюсон пишут: «В мире диаспор, транснациональных культурных потоков и массового перемещения населения старомодные попытки картографировать мир как совокупность регионов воспринимаются скорее как порождение симулякров, поскольку Индия и Пакистан воспроизводят себя в Лондоне, дореволюционный Тегеран рождается из пепла в Лос-Анджелесе, и тысяча похожих культурных форм разворачивается в городских и сельских поселениях по всему миру. В этой ситуации очевидные связи «здесь» и «там», «центр» и «периферия», «колония» и «метрополия» становятся размытыми» [12].

Отмечается, что и ландшафтный принцип разграничения регионов в современных условиях изменчив и может быть оспорен. Московский исследователь С. Панарин утверждает: «По физико-географическим условиям регионы чрезвычайно разнообразны: и в одной природной зоне ландшафтно-климатические различия бывают значительными, что уж говорить о различиях между зонами. На это налагаются несходства социальные и культурные, расовые, этнические, лингвистические, своеобразные черты общественных установлений, исторического опыта и наследия народов и социальных групп внутри одного народа» [8]. В связи с этим при выделении регионов предпочтительнее говорить не о четких географических маркерах, а, скорее, о некоторых исходных точках в конструировании значимых географий. Среди них – определение и демонстрация типичного природного и культурного ландшафта (степь, тундра, горы, городской профиль, инженерные сооружения и т.д.); наи-

более известных памятников природного и культурного наследия; исторических и политических событиях, связанных с географическими объектами, изображенными на карте; известными людьми, чья биография и деятельность связаны с географическими объектами, изображенными на карте [7].

Многочисленные несовпадения региональных (ареальных) идентичностей с административно-территориальным делением, выявленные политологами и этнологами, на практике привели к тому, что в научных исследованиях регионов прямое восприятие земной поверхности стало заменяться конструкцией, включающей в себя картографическую репрезентацию, непосредственное наблюдение хотя бы части исследуемой зоны, синтез данных собранных другими специалистами. Так, по мнению Л. Смирнягина, «районирование каждой страны должно строиться не на статистических и тому подобных изысканиях географов, а на присущих данному обществу вариантах региональной идентичности, будь она активной или дормантной» [10].

Отдельного внимания в региональных исследованиях заслуживает вопрос о «границе» как основном сопутствующем термине при изучении региона и современных практиках проведения границ. Понятие «регион» не может рассматриваться в отрыве от исследования границы, поскольку традиционно регион определялся как некое пространство, заключенное в определенные территориальные рамки, имеющие собственные границы. Без границы как без формы, посредством которой происходит различие или дифференциация, не может быть и того, что обретает себя и воспроизводит свою суть и форму благодаря границе. По словам Никласа Лумана, «сохранение границ ... является сохранением системы» [6]. То, что извне может восприниматься как граница, внутри является рамкой взаимодействия, как то, в пределах чего оно концентрируется, оставаясь самим собой. Граница в таком контексте становится центральным моментом порождения региона и появления регионального сообщества.

Применительно к этническим группам понятие «граница» было проанализировано норвежским ученым Ф. Бартом. Придерживаясь конструктивистского подхода к пониманию этничности, Ф. Барт предложил способ определения этнических границ группы, которыми она сама себя очерчивает, в качестве главного критерия этничности. По Барту, этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло и это влечет за собой сложную организацию поведения и социальных отношений. В определении Барта, понятие «этническая граница» оказывается условным и ситуативным, поскольку всякая произведенная демаркация – это результат субъективного выбора. Поэтому для определения этничности решающую роль имеют те представления, которые в данный момент определяют групповые границы и устанавливают различия.

Как показывают конкретные исследования, применительно к региону термин «граница» в настоящее время является весьма многозначным. Границы между регионами могут быть природные, административные, расовые, религиозные, лингвистические. Граница между регионами не обязательно является объективно очевидной, разделяемой всеми региональными субъектами, и часто вообще существует как «воображаемое» явление. Академик В.А. Тишков подчеркивает, что границы локальных пространств очень размыты и пересекаются между собой, но «они есть в коллективном, групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются или закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами» [7, с. 27]. Финский исследователь А. Пааси отмечает, что в отличие от государств регионы не имеют фиксированных границ, скорее, они являются продуктом социального или символического конструирования. Группы и сообщества сами создают деления между «нами» и «ими», символические границы определяют процессы включения

(inclusion) и исключения (exclusion) [14].

Конечно, естественные рубежи, горы и реки, налагают свой отпечаток на состояние общества и образуют естественные преграды для взаимодействия людей, часто являясь маркером, отграничивающим одну территорию от другой. Однако важнее то, что в тех случаях, когда таких естественных рубежей нет, проведение границ становится фундаментальным фактом сознательной (душевной) деятельности людей. Об этом, в частности, писал Г. Зиммель: «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием (Wirkungen), но социологический факт, который принимает пространственную форму... Конечно, если только она стала пространственно-чувственным образованием, которое мы, независимо от его социологически-практического смысла, вписываем в природу, то это оказывает сильное обратное действие на отношение партий. Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы между собой и элементами этой сферы и другой, она тем не менее становится живой энергией, которая смыкает [элементы каждой из сфер] и, подобно физической силе, которая излучает отталкивания в обе стороны, втискивается между обеими [сферами]» [Цит по: 11]. По Зиммелю, пространственная граница сообщает «душевному феномену» некоторую относительную прочность.

В настоящее время многие современные авторы едины во мнении о том, что регионы сложно представить себе как внешне резко ограниченные и внутренне культурно гомогенные пространства. Границы региона стали слишком прозрачными и растяжимыми (в географическом и социальном смысле), чтобы теоретизировать его в качестве единого целого. Относительность концепта «регион» связана, по-видимому, также и с тем, что регион всегда занимает промежуточное положение в пространстве, это, как правило, *space in-between*¹. По словам Дэвида Хар-

¹ В отечественной географии, к примеру, актуальна концепция переходных зон – территорий, которые отличаются смешением регионообразующих признаков.

ви: «Место есть сеть отношений одной сущности по отношению к другой, и в этом смысле оно содержит «другое», поскольку ни одна сущность не пребывает в изоляции» [13]. Иными словами, в понимании региона (как, впрочем, и других форм пространственной организации) происходит серьезный сдвиг в духе релятивистской теории пространства, который можно описать как переход от региона как «объекта-в-себе» к региону как системе отношений. Регион ориентирован на сети, потоки, проницаемые границы. Д.Н. Замятин говорит об формировании особого проекта - геоспациализма, согласно которому традиционное географическое пространство, в том виде, в каком оно было сформировано и «упаковано» модерном, используется не по назначению – в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях, – а лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация является очевидным вопросом в рамках проекта модерна [3]. Майкл Китинг определяет регионы как частичные социальные системы, функционально связанные с другими уровнями и говорит об опасностях любого типа редукционизма, создающих упрощенное понимание регионов [5].

Попыткой преодоления редукционизма, о котором говорит М. Китинг, стало появление в западной науке нового направления – Regional Studies. Региональные исследования означали наименование целого спектра тенденций, позиций и интерпретаций, которые стремятся сформулировать междисциплинарное понимание региона. Данный комплекс исследований оказался наиболее разумным ответом на вызовы американского и европейского территориального разнообразия, явился своеобразным ключом к его пониманию. Например, способность интересно описать региональную и городскую специфику развития стран Европы и Азии позволила зарубежным ученым активно

включиться в англоязычные дебаты, посвященные глобализации, социальному пространству, границам и дистанциям, ареалам и зонам.

Вызов, с которым столкнулись отечественные исследователи, изучающие регион, заключается в том, что существенные моменты развития Regional Studies в западной науке получили весьма слабое отражение в нашей литературе. Можно зафиксировать распространение в отечественной современной научной литературе идеи «политического» могущества регионов на фоне, в целом, неразработанной философской концепции региона и внутренней несогласованности его понятийных образов, сформированной в рамках отдельных дисциплин. Неизбежная эклектичность существующего сегодня знания о регионах еще более осложняет ситуацию становящегося в России сообщества исследователей, изучающих регионы и региональную идентичность. В этой связи актуальна позиция релятивизма, утверждающая, что слова о регионе, от имени какой бы из дисциплин они не произносились, остаются лишь одними из возможных. То, что мы называем регионом, является одним из способов концептуализации этого феномена, и ни один из них не является истинным.

В.Л. Каганский отмечает, что «региональная аналитика, в отличие от регионального исследования, есть взаимодействие с регионом на основе ценностей и целей. Региональный аналитик, претендующий на адекватность, должен быть равно чужд двум наиболее распространенным позициям: интеллектуального обеспечения/обслуживания сиюминутных целей некоей группы, отождествляемой с регионом (или сводящей регион к простому объекту, пространственному телу), или же отрешенного внешнего наблюдения» [4]. Первая позиция связана с социальным заказом и ставит под сомнение научность результатов исследования региона и региональной идентичности. Позиция отстраненности ученого – отношение к региону как объекту – формирует корпус на-

учного знания позитивистского толка. В его рамках продуктивно осуществляются типологии и классификации, поскольку тезис позитивизма гласит: все объекты отличаются друг от друга. При включенной позиции – отношение к региону как освоенному месту, наполненному смыслами и следами личного переживания – формируется комплекс средовых «знаний-пониманий» феноменологического толка. «Скрытый принцип изменчивости», который движет жизнью в определенной местности, требует и «соответствующего ему движения со стороны наблюдателя». Традиционные средства – карты, описания, макеты, выделение самого существенного – малопригодны. Нужно вжиться в рефлексизирующего прохожего, во фланера, чувствительность которого связывает пространство, язык и субъективность [1]. Именно феноменологические исследования региона представляют сегодня наибольшую сложность для ученых, а в академической среде все больше протеста по поводу попыток описывать регионы как квазиестественные объекты, с устойчивыми повторяющимися связями, базирующимися на статистическом анализе.

Представляется, что сегодня синтез академических дискурсов о регионе может произойти, прежде всего, на уровне философского знания. С одной стороны, в философии в наибольшей степени реализуется принцип дополнительности и системности знания, с другой – в философии есть явно выраженное стремление постичь и закрепить пространственно-временную включенность человека в мир: «Logos, который забывает свой oikos, забывает о своем происхождении из жизненного мира» [Цит. по: 2]. Ойкос усиливает, выставляет

напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Роберт Парк пишет: «Тот факт, что каждый индивид способен двигаться в пространстве, гарантирует ему опыт, который будет его частным и особым опытом, и этот опыт, который индивид приобретает в ходе своих приключений в пространстве, предоставляет ему, именно в силу своей уникальности, точку зрения для независимого и индивидуального действия. Именно владение уникальным опытом, осознание этого опыта и диспозиция индивида думать и действовать в заданных им рамках есть то, что делает его, в конечном счете, персональной» [9]. Интерес к различным формам пространственного бытия человека в мире, таким образом, делает регион привлекательным объектом для философского анализа.

Сегодня ключевой вопрос в Regional Studies, требующий решения на философско-теоретическом уровне, состоит в определении того, что представляет собой «региональное» и что «региональным» не является, что включается в регион и что из него исключается. Проблемы, с которыми сталкиваются представители частных наук, исследующие регион, и которые служат своеобразным вызовом для философии, могут быть сформулированы следующим образом: Как формируется регион? Что является тем «строительным материалом» (building-materials), который лежит в основе региональной идентичности? Способствует ли регион возникновению новых вариантов коллективной идентичности? Какова социальная логика структурирования и самоструктурирования региона? Каковы языки описания и самоописания региона?

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города /пер. Л.Баньковской // Логос. – 2002. – Т. 34. – № 3. – С. 5.
2. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. – №1 (21). – 2009.
3. Замятин Д.Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 3. – С. 23.
4. Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики // Культура в современном мире. – Вып. 3. – М.,1997. – С. 4–29.
5. Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. – 2003. – Т. 40. – № 6. – С. 78.
6. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – С. 42.

7. Малькова В.А., Тишков В.А. Культура и пространство. Кн.1. Образы российских республик в интернете. – М.: ИИЭ РАН, 2009. – С. 22.
8. Панарин С. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности // В поисках России: Серия публикаций и дискуссий об идентичности. Т.3. Восточная Россия – Дальний Восток / Сост., отв. ред. С. Панарин. – СПб: Интерсоцис, 2011. – С. 25–26.
9. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок/ пер. В. Николаева // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 17.
10. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. – М., 2007.
11. Филиппов А.Ф. Социология пространства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://socioline.ru/book/filippov-f-sotsiologiya-prostranstva>
12. Gupta A.; Ferguson J. Beyond «Culture»: Space, Identity, and the Politics of Difference // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. 7. – No 1. – P. 7–8.
13. Harvey D. Justice, Nature & the Geography of Difference // Oxford: Blackwell. – 1996. – P. 261.
14. Paasi A. Place and Region: Regional worlds and words // Progress in Human Geography. – 2002. – Vol. 26. – № 6. – P. 806.
15. Paasi, Anssi Re-visiting the region and regional identity: theoretical reflections with empirical illustrations. In Barndon, Randi, Øye, Ingvild and Asbjørn Engevik jr. (eds) // The Archaeology of Regional Technologies. London: The Edwin Mellen Press. – 2010. – P. 23.
16. Shearmur R. Innovation, Region and Proximity: From Neo-regionalism to Spatial Analysis // Regional Studies. 2011. – 45:9. – P. 1229.

**PROBLEMATIZATION OF THE CONCEPT «REGION»
IN CONTEMPORARY SCIENTIFIC RESEARCH**

E.V. Golovneva

This paper deals with problematization of the concept “region” in contemporary scientific research in relation to the appearance of the new methodological approaches to consideration of the spatial phenomenon as well as relativity of the regional factors. This paper views the region not only as a geographical space but primarily as a social and cultural phenomenon with its own set of relations and discourses.

Keywords: region, space, border, regional identity.

Сведения об авторе

Головнёва Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ГУК, И-314; e-mail: golovneva.elena@gmail.com

Материал поступил в редакцию 04.09.2014 г.